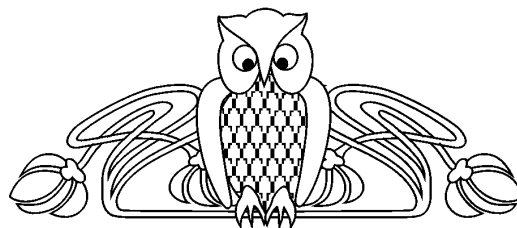

УДК 821.111.09-31+929Коу

ДИЛОГИЯ ДЖОНАТАНА КОУ О СОСТОЯНИИ НАЦИИ

Ю. А. Храмова

Храмова Юлия Анатольевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, khramovaya@mail.ru

Диалогия английского романиста Дж. Коу «Клуб ракалий» (2001) и «Круг замкнулся» (2004) рассматривается как целостное повествование в традиции английского романа о состоянии нации. Анализируются реалистические и постмодернистские черты в воплощении общественно-политической проблематики в диалогии.

Ключевые слова: роман о состоянии нации, диалогия Дж. Коу, реализм, постмодернизм, тэтчеризм, неолейборизм.

State-of-the-Nation Dilogy by Jonathan Coe

Yu. A. Khramova

Yulia A. Khramova, <https://orcid.org/0000-0003-2870-8361>, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112, Bolshaya Kazachia Str., Saratov, 410012, Russia, khramovaya@mail.ru

The dilogy *The Rotters' Club* (2001), *The Closed Circle* (2004), by a British novelist Jonathan Coe is represented as an integral and coherent narration within the tradition of the British state-of-the-nation novel. The article analyzes the role of realistic and postmodern practices in highlighting the social and political problems in the dilogy.

Key words: state-of-the-nation novel, dilogy by Jonathan Coe, realism, postmodernism, Thatcherism, neo-labourism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-469-474>

Английский писатель Джонатан Коу (Jonathan Coe, род. в 1961 г.) некогда планировал создать шеститомное эпическое произведение, охватывающее жизнь современной Великобритании. За небольшой по историческим меркам промежуток времени, начиная с семидесятых и заканчивая переходным периодом рубежа веков, Великобритания пережила смену нескольких правительств, радикальное изменение политического курса, ряд крупнейших забастовок, финансовый кризис, две войны¹, локальные вспышки фашизма, терроризма, расовой ненависти и ирландского национализма. Идея написания «панорамного» романа, отражающего важнейшие исторические события в жизни простых британцев, по словам автора, пришла к нему еще в школе, после знакомства с эпопеей М. Пруста «В поисках утраченного времени». Масштабный проект создания литературного произведения, с детальным описанием «духа времени», отражением постепенной трансформации чувств и характеров героев, болезненной сменой их нравственных и духовных ориентиров осложнялся стремлением автора, если

выразиться словами одного из его персонажей, найти «невиданное ранее сочетание старых форм и новых технологий»². Согласно первоначальному замыслу, каждый последующий роман этой эпопеи должен был предстать в роли «пазла», помогающего читателю составить единую цельную композицию как на фабульно-сюжетном, так и на структурно-композиционном уровне.

Однако в процессе написания замысел автора изменился. Коу ограничился двумя романами – «Клуб ракалий» («*The Rotters' Club*», 2001) и «Круг замкнулся» («*The Closed Circle*», 2004), которые составили диалогии. Критики, журналисты и читатели озадачились поисками ответов на вопрос, почему этот масштабный и амбициозный проект в реальности воплотить не удалось. Сам Коу на подобные вопросы отвечал достаточно уклончиво, заявляя, что, скорее всего, ему не хватило терпения, что «такая вещь, как Бальзаковский роман, это сейчас уже невозможно»³, что ему хотелось «дать читателю творческое пространство, где этот промежуток в 4 тома и 20 лет можно домыслить...»⁴. Отвечая на вопрос о взаимосвязи двух романов, Коу ответил, что предпочел бы считать роман «Круг замкнулся» не продолжением, а «зеркальным отражением»⁵ «Клуба ракалий». Вполне возможно, что идея с «зеркалом» на рубеже веков оказалась куда более актуальной, чем первоначальный замысел о «замкнутом круге». В пользу этого предположения свидетельствует эксперимент автора с нумерацией глав (в «Клубе» и «Круге» количество глав совпадает, при этом в последнем романе главы пронумерованы в обратном порядке). Кроме этого, в каждой части диалогии автор создает различное настроение. «Клуб ракалий» является более светлым и жизнеутрачающим, в нем ощущается оптимизм героев в отношении грядущих перемен и перспектив, в то время как в романе «Круг замкнулся» преобладают драматизм, разочарование и отсутствие веры в лучшее будущее. Чем же является в итоге «Круг» – зеркальным отражением полукруга или его продолжением, предстоит решить самому читателю. Так или иначе, заглавие «Круг замкнулся» отражает обе эти концепции, неразрывно переплетенные между собой на повествовательном и идейно-философском уровне романа.

По мнению Л. Дрисколла, оба произведения воспринимаются как «написанные в русле реалистической традиции»⁶, позволившей автору не только максимально выпукло передать атмосферу описываемых событий, но и идеологически

противопоставить эту реальность современному английскому обществу в состоянии постмодерна. Особую реалистическую и политическую направленность этих романов отмечает и В. Гинери, для которой роман «Клуб ракалий» является «реалистичным изображением результатов политики дерегуляции и свободного рынка <...>, а также портретом растущего национализма и ксенофобии в 1970-х, в то время как “Круг замкнулся” высмеивает политический оппортунизм новых лейбористов наряду с пагубным всевластием политтехнологов и СМИ в целом»⁷. Сам Коу отмечает: «... когда я наложил личные воспоминания на исторический контекст, я понял, что передо мной целый набор интонаций, гремучая смесь, которую предстоит соединить в единое целое»⁸. Однако попытка передать настроение такой противоречивой эпохи только лишь реалистическими методами вряд ли увенчалась бы успехом. К тому же, как справедливо отметил Дрисколл, реализм в романах Коу вынужден «взаимодействовать с иерархией дискурсов»⁹. Показательно, что эти два романа Коу, следуя национальной традиции реалистического романа, одновременно и порывают с нею, в конечном итоге представляя собой сложное сочетание социально-психологического интереса с рядом проблем и повествовательными приемами, которые принято связывать с романом постмодернистским. Тем интереснее представляется наша задача здесь – раскрыть социальную проблематику этих романов и показать характерные конвенции, свойственные традиционному роману о состоянии нации, проявившиеся в них преимущественно в реалистическом ключе.

Роман о состоянии нации, как мы уже показали, сегодня является предметом актуальных критических дискуссий¹⁰. В статье «Почему мы одержимы “романом о состоянии нации”» («Нью-Стейтсмен», 12 июля 2012 г.) Коу вспоминает свое отношение к жанру, высказанное от лица одного из персонажей его романа «Какое надувательство!» (1994): «Нам до смерти нужны романы, отражающие понимание идеологического пиратства... романы, наглядно демонстрирующие ужасающие последствия этого террора для простого человека и доказывающие, что адекватная реакция на все это заключается не только в скорби и гнев, но и в безумном хохоте неверия»¹¹. В начале 1990-х гг. Коу еще верил, что обращение к жанру романа о состоянии нации способно заставить общество задуматься над происходящими «сейсмическими преобразованиями»¹² в британской политической жизни и выработать соответствующую адекватную реакцию на них. Однако XXI век принес ему разочарование в эстетическом воздействии политической сатиры на читателя. По его мнению, «воспеваемая британцами традиция политической сатиры является, сама по себе, препятствием к каким-либо реальным социальным преобразованиям, поскольку она трансформирует оппозиционные настроения общества в безвредный смех»¹³.

Так Коу приходит к вопросу о значимости и роли «романа о состоянии нации» применительно к нынешним реалиям. Какие цели ставят перед собой современные романисты, создающие произведения в рамках этого жанра? «Если нам посчастливилось жить в эпоху, когда всё вокруг, экономика, политика и общество, катится по наклонной, то почему мы думаем, что прочтение романа может нам как-то помочь?»¹⁴, – спрашивает Коу, переключаясь со своими предшественниками начала 1850-х гг. Однако благосклонность английской читательской аудитории к романам о состоянии нации помогала этому жанру развиваться и пополняться новыми именами, среди которых Коу перечисляет Роуз Тремейн, Аманду Крейг, Уилла Селфа, Марину Левицку, Николая Баркера, Мартина Эмиса, Джона Ланчестера.

В своей статье Коу разграничивает два типа романов о состоянии Англии: неовикторианский, троллоповский и авангардный, к которому относится дистопия А. Грея «Ланарк» (1981). К первому типу, по мнению Коу, относятся романы, так или иначе основанные на традиционных для романа о нации ориентирах, в то время как второй тип оспаривает и переосмысливает эти ориентиры, расширяя границы жанра и позволяя по-новому интерпретировать термин. В разгоревшейся дискуссии о том, в каком направлении стоит развиваться роману о состоянии Англии, высказывания Коу звучат примирительно, хотя для себя он отдает предпочтение второму типу. Коу пишет, что основная проблема неовикторианской формы «заключается не в том, насколько она уместна или неуместна, а в том, что, как бы парадоксально это ни звучало, она слишком хорошо соответствует нашей нынешней идеологии»¹⁵, идеологии бездействия. Ведь традиционный роман, как и политическая сатира, особенно характерная для английского романа, «просто дает возможность “выпустить пар” от той скопившейся духовной энергии, которая в противном случае искала бы другого выхода, которая, возможно, трансформировалась бы в нечто более динамичное, чем просто пассивное созерцание политической действительности, даже если эта действительность описана правдоподобно»¹⁶. «Если национальной художественной литературе и отведено сыграть хоть какую-то роль в сегодняшнем глубоком искусственно созданном экономическом и духовном кризисе, – заключает Коу, – то я бы искал вдохновения в таких романах, как роман “Ланарк”, которые, возможно, не всегда радуют доскональным описанием современной действительности, но которые целенаправленно поддерживают в нас ноющее чувство неудовлетворенности, которое только и может нас заставить все изменить»¹⁷. Очевидно, что Коу в этой статье опирается на собственный опыт в работе с жанром романа о состоянии нации. Среди его разных экспериментов на этом пути диалогия ближе всего стоит к неовикторианской и троллоповской модели.

По мнению В. Гинери и П. Тершуэлл¹⁸, Д. Коу является писателем, унаследовавшим «либерально-реалистические традиции политической литературы»¹⁹, чьи произведения обладают «особенным качеством современности»²⁰. Его романы «Какое надувательство!» и «Клуб ракалий» исследовательницы относят к жанровой разновидности романа о состоянии нации, поскольку они «рассматривают важнейшие политические и духовные вопросы, которые возникли после коллапса общественных структур, поддерживавших Британию как единое целое после Второй мировой войны»²¹. Как пишет П. Тершуэлл, эти романы Коу, наряду с другими симптомами «культурного стресса»²², открыто демонстрируют современному читателю то, что стало с некогда существовавшей концепцией «государства всеобщего благосостояния», трудовыми профсоюзами и национальной службой здравоохранения (NHS).

В первом романе диалогии, романе «Клуб ракалий», автор обращается к десятилетию, предшествующему правлению М. Тэтчер, к 1970-м гг. Это время учебы Коу в школе короля Эдуарда VI в Бирмингеме (основана в 1552 г. и по праву считается одной из сильнейших школ Великобритании). Она описана в романе как школа «Кинг-Уильямс», здесь учится главный герой романа Бен Тракаллей и его друзья. Сквозь призму сознания друзей-старшеклассников (главного героя романа Бена, Фила, Дуга и Клэр) в романе отражается переходный период британской истории, постепенная трансформация общественного сознания от лейбористского к консервативному, растерянность общества перед лицом назревших перемен, болезненная смена ориентиров отдельно взятой личности.

1970-е гг. сейчас привлекают повышенное внимание английских историков, выходя из тени идеалистических, раскованных шестидесятых, с одной стороны, и индивидуалистических, беспринципных восьмидесятых, с другой, и начинают вырисовываться как определяющий период в английской истории конца XX в. Какой же видит пору своей юности Коу в романе, помимо очевидной ностальгической дымки, свойственной воспоминаниям о молодости и окрашивающей роман в лирические тона?

Фоном для основной сюжетной линии любовных, дружеских и семейных отношений персонажей становится реальная социально-политическая обстановка семидесятых: в тексте находят отражение определенные исторические события этого времени (забастовки и пикеты рабочих в компаниях «Гранвик» в 1976–1978 гг. и в «Бритиш Лейланд» в 1975 г., бракосочетание принцессы Анны и Марка Филиппа в 1974 г.); упоминаются имена известных политиков (премьер-министров Эдварда Хита, Гарольда Вильсона, Джеймса Каллагана, Маргарет Тэтчер). Отзывы критиков и прессы о «Клубе ракалий» подчеркивают социальную ориентированность романа. Обозреватель газеты

«The Guardian» Питер Брэдшоу пишет: «Коу воссоздает этот период с такой кропотливой заботой, что я совершенно искренне подозреваю его в том, что он прятал подслушивающее устройство в пенале, который носил с собой в школу...»²³. Однако «правдоподобная картина беспокойной эпохи»²⁴ – не единственное достоинство романа. Пола Коннолли из «The Times» особенно впечатлила «тонкая игра с соотношением ключевых исторических событий этого времени и судьбой личности»²⁵. Не менее интересной представляется и мастерская игра автора на уровне поп-культуры, которая начинает проследиваться уже в заглавии романа, совпадающем с названием одноименного альбома популярной тогда рок-группы «Хэтфилд энд Норт»²⁶. Отсылая читателя к реалиям того времени, название «Клуб ракалий» по мере прочтения романа приобретает другой, неожиданный смысл – смысл духовной общности и единения главных героев. Роман повествует об их сплочении перед лицом неприятностей, о том, «как знаковые перемены той эпохи, начиная от трудовых отношений и заканчивая музыкальными пристрастиями и расовой политикой, отразились на основополагающих жизненных устоях общества»²⁷.

Семидесятые годы, ставшие для Британии «одним из темнейших закоулков истории»²⁸, автор описывает с кинематографической зримостью. Чтобы наглядней показать контраст между недалеким прошлым и современностью, Коу формально использует прием «рассказа в рассказе», символически обрамляя основной сюжет современными зарисовками. Путешествие в «мир, который не слышал о принцессе Диане или Тоне Блэре, мир, который и не помышлял о войне в Косово или Ираке» (2008, 13) начинается с осени 1973 г. и обрывается в 1979 г., в момент прихода к власти консервативного правительства во главе с М. Тэтчер.

В «Круге» действие происходит почти тридцать лет спустя, что хронологически совпадает с рубежом XX и XXI вв., началом нового тысячелетия, временем, когда к власти в 1997 г. пришли новые лейбористы во главе с Тони Блэром²⁹. За это время мировоззрение и мировосприятие главных героев претерпело определенное искажение и преломление. Растаяла прежняя четкость и ясность перспектив, их ценности и идеалы оказались отчасти преданными, отчасти утраченными, многие герои так и не смогли вырваться из плена своего прошлого. Оба эти события, 1979 год и год 1997, выступают в диалогии в роли своеобразных точек отсчета, временных координат, позволяющих автору показать, что к этому моменту произошло с обществом и как произошедшие перемены могут преломиться в будущем. Болезненная смена ориентиров, переход от государства «всеобщего благосостояния»³⁰ к «демократии собственников»³¹ и в итоге к так называемому «третьему пути»³² создала у британцев впечатление, что политики, за которых они с энтузиазмом голосовали, их

предали, и что все решения, которые принимаются в верхних эшелонах власти, – не что иное, как политическая игра. Аморальность политиков высшего эшелона Коу раскрывает в образах Пола Тракаллея, Майкла Асборна. Ставший во второй части журналистом и политическим обозревателем Дуг Андертон так характеризует сложившуюся систему: она «...целиком заточена на один крошечный спектр политических взглядов. Левые соскользнули вправо, правые слегка подвинулись влево – и круг замкнулся, а все прочие пусть идут на хер...» (2009, 213).

В диалогии ставится вопрос о том, что представляют собой такие абстрактные понятия, как «свобода», «равенство», «демократия», «расовая терпимость», «патриотизм», в обстановке постмодернистской релятивизации ценностей. Значения этих слов выворачиваются наизнанку. Свобода может обернуться рабством, расовая терпимость – расизмом, демократия – тиранией, а патриотизм – национализмом и фашизмом. Границы между этими противоположностями очень часто размыты, что позволяет негативным явлениям легко маскироваться за благими намерениями и инициативами. Один из самых внутренне устойчивых героев романа, Филип Чейз, задается вопросом о размывании границ и подмене ценностей. Рассматривая в статье идеологию некоторых политических течений, Филип приходит к выводу о том, что современный фашизм, возрождающийся в некоторых странах, опирается теперь «не только на застарелую расовую ненависть, но и на куда более хитроумные, куда более обтекаемые идеологические матрицы. Теперь стало почти невозможным определить, где проходит линия фронта, в отличие от 1970-х, когда она была видна невооруженным глазом» (2009, 412).

О том, что очень часто благовидные инициативы оказываются фальшивыми и неискренними, пишет Стив Ричардс в письме к Филипу. В прошлом – единственный темнокожий ученик «Кинг-Уильямс», Стив сполна испытывает проявления расизма и национализма. То, что в «Клубе» казалось проявлением индивидуальных предрассудков, детскими шалостями, в «Круге» обернулось проблемами общественного масштаба. Стив пишет: «Разумеется, мы живем в хорошо устроенном мультикультурном обществе. Расово-терпимом обществе. (Хотя что я такого сделал, чтобы меня надо было терпеть?) Но эти люди до сих пор не унялись. Знаю, они составляют меньшинство. Знаю, что в основном это шуты гороховые и жалкие придурки. Но посмотрите, что творится в последнее время в Брэдфорде и Олдхэме. Расовые бунты – настоящие расовые бунты. Черных и азиатов опять делают козлами отпущения за то, что в жизни белых случились кое-какие неприятности. Вот я и думаю: может, «терпимость» – это только маска, за которой таится нечто уродливое и гнилое, готовое в любой момент вылезти наружу» (2009, 298).

То, что Стив назвал «гнилым и уродливым» в современном обществе, имеет несколько названий и скрывается под разными масками, включая вооруженный ислам, антисемитизм, национал-социализм и терроризм. При этом каждое из этих течений позиционируется и называется «лишь политической системой, позволяющей всем людям вернуться к своим (абсолютно различным) корням, чтобы жить в гармонии с природой и Богом» (2009, 413). Подобные установки, опирающиеся на моральное разложение общества и утрату им истинных ценностей, ставят в тупик неискушенных людей, заставляя искренне верить в фальшивые идеалы. На самом деле все эти идеологии имеют своей конечной целью свержение устоявшегося миропорядка любыми средствами, в том числе насильственными методами и подрывной деятельностью.

Работая над статьей, Филип приходит к пониманию того, что чем больше он погружается в «тонкости» этих идеологий, тем больше он запутывается в этом. Ему начинает казаться, что некоторые установки фашизма проникли в современные, с виду вполне демократические направления. Так, рассуждая о неолиберализме и неолейборизме, Филип приходит к выводу о том, что эти течения имеют прямую, пусть и неочевидную связь с нацизмом. «Неолибералы (писал Филип) стремятся к простоте и ясности не менее, чем фундаменталисты и неонацисты. Единственное различие состоит в том, что они не задаются целью построить национальное государство, основанное на религиозном и генетическом отборе. Государство, которое они строят (и этажи которого вздымаются все выше и выше прямо на наших глазах), наднационально. Его географический рельеф – эксклюзивные отели, эксклюзивные курорты, огороженные участки с несусветно дорогим жильем. Его обитатели не ездят на общественном транспорте и летают исключительно в частных клиниках. Мотив, который движет этими людьми, именуется **страхом**. Страхом соприкоснуться с человеческой – и заразной, по их представлениям, – массой. Они хотят жить среди себе подобных (точнее, у них нет иного выбора), а наличие денег позволяет им сооружать как можно больше ширм, как можно больше **границ**, чтобы не приходилось вступать в осмысленный контакт с теми, кто не принадлежит к их собственному экономическому и культурному типу» (2009, 410–411). Современные неолейбористы, по мнению Филипа, не сильно отличаются от неолейбералов, а их так называемые частные финансовые инициативы имеют под собой все те же корыстные цели и обоснования. Разница заключается лишь в названии, все остальное – маскировка. Филип пишет: «Незначительные инициативы в здравоохранении и образовании, окрашенные в социал-демократические цвета, – всего лишь дымовая завеса, лукавая уступка старым добрым левым,

призванная замаскировать истинную суть ново-лейбористского проекта» (2009, 411).

В таком разброде мнений и трактовок Филип стремится обрести свою собственную нравственную позицию. Он поражен, насколько хитроумными и логичными могут показаться эти теории, учения и идеологии, он сам невольно соглашался с некоторыми их выводами и положениями. В таких случаях «ему приходилось возвращаться назад, к незыблемым голым фактам, конкретным вещам, вызывавшим у него инстинктивную реакцию, которой он мог доверять: гнусный расистский жаргон в анонимном письме, адресованном Стиву, или исполненные ненависти тексты песен на диске “Карнавал в Освенциме”» (2009, 414). Филип приходит к пониманию того, что в этом хаосе, когда «любая система ценностей, какую ни возьми, находится в состоянии текучести, размывания» (2009, 414), очень важно доверять себе и своим инстинктивным чувствам, сформировавшимся когда-то в детстве. Однако даже это не может уберечь от соблазна «вкусить плод» с древа познания добра и зла, поэтому, решает Филип, лучше не задумываться об этом и не блуждать в лабиринтах собственного разума.

Мы показали, что в диалогии Коу «Клуб ракалий» и «Круг замкнулся» автор, следуя традиции романа о состоянии нации, обеспечивает от первых до последних страниц общенациональный социально-политический, а во втором романе – даже глобальный, контекст для основной сюжетной линии поиска героями личного счастья. Свое остро лирическое видение жизни Коу замечательно привязывает к историческим обстоятельствам жизни Великобритании последней трети XX – начала XXI в. Это авторская стратегия, очень близкая к традиции реалистического романа о состоянии нации, заставила многих критиков оценить диалогии с позиций этой жанровой разновидности, специфичной для английской литературы. Однако и в первой, и особенно во второй части диалогии сам характер изображения общественно-политической проблематики, и особенно ее анализ разными героями романа, позволяет охарактеризовать диалогии как постмодернистский роман о состоянии нации.

Примечания

- ¹ Имеются в виду военные действия на Фолкленских островах 1982 г. и военная операция 1991 г. «Буря в пустыне» в Ираке.
- ² Коу Д. Круг замкнулся. Роман. М., 2009. С. 157. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием года издания и страницы в скобках.
- ³ Интервью Д. Коу Н. Александрову 20 февраля 2009 г. в эфире радиостанции «Эхо Москвы». URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/573706-echo/> (дата обращения: 24.06.2018).
- ⁴ Интервью Д. Коу Н. Ивановой 16 февраля 2009 г. URL: <http://www.timeout.ru/msk/feature/3694> (дата обращения: 24.06.2018).
- ⁵ См.: URL: <http://www.jonathancoewriter.com/books/closedCircle.html> (дата обращения: 24.06.2018).
- ⁶ Driscoll L. Evading Class in Contemporary British Literature. N. Y. ; Basingstoke, 2009. P. 165.
- ⁷ Guignery V. Jonathan Coe. L. ; N. Y., 2016. P. 16.
- ⁸ Интервью Д. Коу Чарльзу Тейлору 12 марта 2002 г. URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/phantom/phantomcoe02.htm (дата обращения: 24.06.2018).
- ⁹ См.: Driscoll L. Op. cit. P. 166.
- ¹⁰ См.: Храмова Ю. Английский роман о состоянии нации вчера и сегодня // Филологические этюды : сб. ст. молодых ученых. Саратов, 2017. С. 187–194.
- ¹¹ Коу Д. Какое надувательство! / пер. с англ. М. Немцова. М., 2003. С. 356.
- ¹² Coe J. Why are we obsessed with the state-of-the-nation novel? // New Statesman. 2012. July 12. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/culture/2012/07/why-are-we-obsessed-state-nation-novel> (дата обращения: 28.06.2018).
- ¹³ Coe J. What’s so funny about comic novels // Guardian. 2013. September 7. URL: <http://www.theguardian.com/books/2013/sep/07/comic-novels> (дата обращения: 17.05.2016).
- ¹⁴ Coe J. Why are we obsessed with the state-of-the-nation novel?
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ См.: Guignery V. The Way We Live Now : Jonathan Coe’s Re-evaluation of Political Satire // Études anglaises. 2015/2. Vol. 68. P. 156–169 ; Thurschwell P. Genre, Repetition and History in Jonathan Coe // British Fiction Today / ed. by Ph. Tew, R. Mengham. L. ; N. Y., 2006. P. 28–39.
- ¹⁹ Guignery V. The Way We Live Now : Jonathan Coe’s Re-evaluation of Political Satire. P. 157.
- ²⁰ Ibid.
- ²¹ Thurschwell P. Op. cit. P. 28.
- ²² Ibid.
- ²³ URL: <http://livrepdf.onlinecanadapharmacynet.com/0241967767-the-rotters-club.pdf> (дата обращения: 24.06.2018).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ URL: <http://www.complete-review.com/reviews/coej/rotters.htm> (дата обращения: 24.06.2018).
- ²⁶ «Клуб ракалий» (1975) – второй альбом британской группы «Хэтфилд энд Норт» (Hatfield and the North), сочетающий элементы прогрессивного и джаз рока с лирическими мотивами. Группу «Хэтфилд энд Норт» (1973–1975) относят к так называемому «Кентерберийскому звучанию», основная суть которого заключается в сочетании сложных, гармонических импровизаций с популярными мотивами.
- ²⁷ URL: <http://www.complete-review.com/reviews/coej/rotters.htm> (дата обращения: 24.06.2018).
- ²⁸ Коу Д. Клуб ракалий. М., 2008. С.11. Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием года издания и страницы в скобках.

- ²⁹ Тони Блэр (род. 1953) – лидер Лейбористской партии, сторонник неолейборизма, 73-й премьер-министр Великобритании (1997–2007).
- ³⁰ Концепция государства «всеобщего благосостояния» или социальных гарантий была принята лейбористским правительством еще в середине сороковых годов и включала в себя комплекс реформ, направленных на улучшение национальной службы здравоохранения, социального страхования, образования, жилищной сферы.
- ³¹ Концепция «демократии собственников», предложенная правительством Э. Хита (1970–1974) и продолженная правительствами М. Тэтчер (1979–1990) и Дж. Мейджора (1990–1997), предполагала увеличение числа мелких собственников, свободу предпринимательства и сокращение государственных расходов на системы социального страхования, здравоохранения и образования.
- ³² Концепция «третьего пути», разработанная Э. Гидденсом и выбранная Э. Блэром в качестве предвыборного манифеста, стала ядром нового лейборизма и представляла собой нечто среднее между тетчеризмом и социал-демократией. Она предполагала сочетание частного предпринимательства и госрегулирования, при котором акцент смещался на увеличение активности британцев в общественной жизни. Примечательно, что ранее похожая концепция была изложена консервативным Г. Макмилланом в его книге «Средний путь» (1938).

Образец для цитирования:

Храмова Ю. А. Диалогия Джонатана Коу о состоянии нации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 469–474. DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-469-474>

Cite this article as:

Khramova Yu. A. State-of-the-Nation Dilogy by Jonathan Coe. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 469–474 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2018-18-4-469-474>
